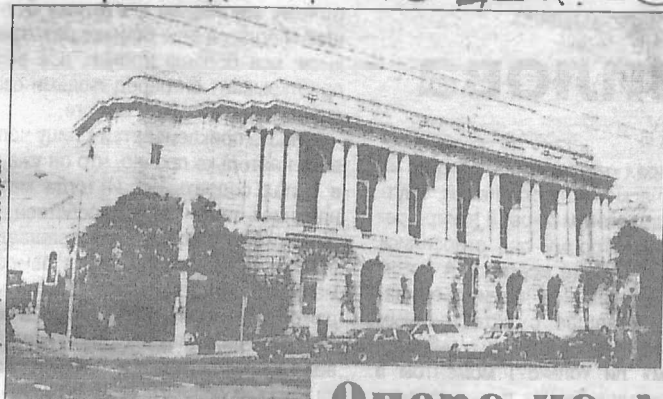

тракта к третьему действию — "Рассвет над Римом". Дирижер Нелло Санти поместил колокола в разных точках огромного зала, а также за его пределами. Получился поразительный квадрофонический эффект: казалось, что ты действительно находишься в одном из переулков Борго около собора Святого Петра ранним воскресным утром.

Очень удивила меня реакция американской публики на происходящее на сцене. На протяжении всего спектакля по ходу действия то и дело раздавался

Опера на дальних берегах

Тех, кто впервые попал в Сан-Франциско, легко вычислить в спешащей городской толпе по неторопливому шагу и не сходящей с лица улыбке удивления. С непривычки шаг замедляется поневоле, когда, идя по одной улице, переваливаешь через несколько холмов и не знаешь, от чего перевело дыхание — от непомерной крутизны подъема или от необыкновенной красоты открывающихся перед глазами далей. И постоянное удивление на лицах тоже легко объяснить: на каждом углу тебя поражают то затейливые викторианские домики, то причудливые современные конструкции; то экстравагантные (часто в хорошем смысле) молодежные пары, то колоритные группы потрепанных жизнью, но по-прежнему бескомпромиссных "битников". Если же говорить о культуре, то сразу вспоминаются великолепный музей современного искусства, театральная библиотека с потрясающим собранием видеозаписей опер и особенно балетов, множество традиционных и экспериментальных театров, элегантный зал для симфонических концертов.

Но особый предмет гордости жителей Сан-Франциско — оперный театр. Открытый не так уж и давно, в 1932 году, он превратился в одну из важнейших оперных сцен мира. С какой-то удивительной легкостью здесь удавалось собирать такие составы исполнителей, которым позавидовали бы и Милан, и Лондон, и Вена. Достаточно сказать, что на протяжении почти двадцати сезонов здесь регулярно ставили оперы специально для дуэта Джон Сазерленд — Мерилин Хорн; мечта, ради которой многие итальянские меломаны были бы готовы бежать на край света. А выбор тенора обычно падал на молодого Лучано Паваротти.

Крупнейшие "звезды" любят петь на этих ближних берегах, и Опера Сан-Франциско отвечает им взаимностью. Редко в каком европейском театре увидишь столько фотографий в фойе, на которых запечатлены самые удачные дебюты. Вот, например, Монсеррат Кабалье в костюме принцессы Турандот. От этой роли все сначала ее дружно отговаривали, а она все же отважилась — и в результате полный триумф, 37-минутная (если верить театральным легендам) овация стоя. А вот Рената Тебалди и Франко Корелли в "Тоске", Элизабет Шварцкопф и Криста Людвиг в "Кавалере роз"... Сколько волнующих воспоминаний, дорогих сердцу каждого любителя оперы!

Приятно отметить, что часто и с большим успехом пели в Сан-Франциско русские певцы. Еще в 70-е годы здесь блистали Ирина Архипова и Елена Образцова, а после открытия границ русские имена просто не сходят с афиш.

Огромная заслуга в этом принадлежит, несомненно, Валерию Гергиеву и всей труппе Мариинского театра: вот уже более пяти сезонов длится плодотворное сотрудничество, в результате которого американской публике были показаны лучшие оперы русского репертуара, включая "Бориса Годунова", "Руслана и Людмилу", "Войну и мир".

Не удивительно, что лучшие певцы Мариинского театра получили приглашения в другие спектакли. Так, любимица публики Ольга Бородина ярко дебютировала в "Золушке" Россини и в "Кармен". Знают и любят здесь Галину Горчакову, Марию Гулегину, Дмитрия Хворостовского. В опере "Риголетто", на которой мне довелось побывать, также с успехом выступали москвичка Елена Заремба (контральто) и киевлянин Анатолий Кочерга (бас), органично вписавшись в блестящий состав солистов: Рут Энн

Джеймс Моррис и Кэрл Ванесс в "Тоске".

Свенсон, Карло Шибелли, Паоло Гаванолли. Режиссер Марк Ламос сочинил острые, динамичные мизансцены, не ставя при этом певцов "на уши".

В целом культура сценического движения в этом театре показалась мне очень высокой, что особенно заметно в постановке "Тоски" (режиссер Лофти Мансаури). Опера была интерпретирована как веристская драма (в Италии ее обычно превращают в статую неоклассическую трагедию) с обилием ярких реалистических деталей, что точно отвечает замыслу Пуччини. Со всех персонажей был снят налет ходульности, они получились живыми, полнокровными людьми.

И еще осталось в памяти звучание ан-

обычное зрелище: вместо того, чтобы стремительной рысцой устремиться к выходу (истекает время парковки машин), публика спокойно оставалась в фойе. Двери партера были широко открыты, и билетеры никого не поторапливали покинуть зал — напротив, они предлагали в него войти! Занавес был поднят, и чудесная панорама Рима освещалась призрачным дежурным светом. Половина фанерного замка была уже разобрана. Но все равно многие зрители стояли и любовались, не в силах уйти. Спектакль кончился, но великое чудо театра продолжалось.

АЛЕКСАНДР БРАГИН

Сан-Франциско — Рим

А3

В3

